

Ростовская ГТАРИНА

Выпуск Ростовского отделения ВООПИиК
и музея-заповедника «Ростовский кремль», № 162

Выпуск подготовила Л.Ю. Мельник

Куранты села Поречья-Рыбного

• Александр Морозов

Поречье-Рыбное – одно из немногих ростовских сел, где на колокольне имелись часы, куранты. По документам Монастырского приказа в описи 1701 г. деревянной церкви святых апостолов Петра и Павла села Поречья, значит, что на рубленой восьмигранной шатровой колокольне «... пять колоколов, а на той же колокольне часы боевые приведены к тем же колоколам». Таким образом, перед нами документально подтвержденный факт, что в Поречье на рубеже XVII – XVIII вв. на колокольне находились куранты.

В труде «Ростовский уезд...» А.А. Титов отметил: «В 1767 году [жители Поречья] довершили постройку и необходимое украшение летней церкви: на пристроенной к ней колокольне поставили русские, или так называемые еврейские, часы...». «Русские» часы делили сутки на часы дневные и ночные, следя за восхождением и течением солнца, так, что в минуту восхождения на русских часах бил первый час дня, а при закате – первый час ночи. Поэтому почти каждые две недели количество часов дневных, как и ночных, постепенно изменялось. Роль стрелки на таких часах выполняло изображение солнца с длинным лучом, укрепленное неподвижно в верхней части циферблата. Его диск был разделен на 17 равных частей, обозначенных буквами или цифрами, что было обусловлено максимальной длиной дня в летнее время. С помощью специальных механизмов часовые колокола «играли музыку».

Таким образом, куранты вновь были установлены уже на каменном летнем храме, до постройки 94-метровой колокольни зимней церкви Никиты мученика в 1799 г. Описывая высокую никитскую колокольню, А.А. Титов упоминает на ее четвертом, глухом ярусе корпус недельных часов, с 4-мя по сторонам циферблатами. А на пятом ярусе – 11 часовых колоколов.

А.Я. Артынов вспоминал, что архимандриту Яковлевского монастыря Апполинару Пулашкину хотелось устроить в обители колокольные часы, но он не мог найти для этого хорошего мастера. Отец Артынова, хорошо знавший архимандрита, рекомендовал ему часового мастера родом из города Серпухова Дмитрия Иванова Савостина, проживавшего тогда в городе Тихвине, изготовившего часы в Тихвинском большом монастыре. «Он сделал их весьма прочные и верные, бывшие в колокола минуты, четверти и часы. Они каждую четверть часа выигрывали на подобранных колоколах следующие куранты: «Кто-то может убежать смертный час: ни царь, ни князь, ни воин, ни пастух». Для механизма этих часов ниже колоколов была устроена теплая комната; из этой комнаты мастер сделал привод, которым приводились в движение часовая и минутная стрелка на циферблате. В Ростов Савостин приехал с женой и сыном; устроил по условию часы, существующие и в настоящее время на колокольне

Яковлевского монастыря, потом устроил часы в селениях: Поречье-Рыбное и Вожажникове».

Важное и прямое свидетельство, а именно контракт об устройстве часов на колокольне села Поречья-Рыбного, в ростовском архиве обнаружила искусствовед Татьяна Владимировна Колбасова. Благодаря ее за указание данного источника. Контракт был записан в маклерскую книгу города Ростова под №145, датирован 23 марта 1806 г., изложен от имени Дмитрия Савостина.

Документ подтверждает, что Дмитрий Савостин заключил контракт с бурмистром села Поречья Петром Ивановичем Лалиным «с миром», по созданию и установке на поречской колокольне часов. То есть, бурмистр действовал с санкции и от лица крестьянской общины. В источнике указаны размеры часового механизма: длина 2 аршина и 2 вершка, ширина – аршин с вершком, высота – 7 четвертей [аршина]. В пересчете на современные меры длины размеры механизма будут около 151x75x125 см. Кроме того, упомянуты детали и материалы, из которых их необходимо было изготовить: девять колец медных, петли стальные, четвертной вал – медный. Обговаривалась продолжительность хода часов: на большом заводе две недели. Контракт предписывал Савостину изготовить часы «... таким же манером, как сделаны в Тихвине с боем, что в 10 колоколов, с часовым и минутным». Таким образом, в качестве образца для села Поречья

были избраны часы города Тихвина.

Мастер должен был закупить за счет суммы выданного ему задатка колокола, чугунные гири и «... прочие принадлежские к оному механизму железные и медные вещи», например, листовое железо для четырех циферблатов. Кроме того, вырезать из «английской» жести часовые и минутные литеры, позолотить стрелки часов червонным золотом. Завершить работу над часами Савостин обязался в течение года. Затем мастер должен был обучить обращению с часами избранных заказчиками двух человек: «... как оные разбирать, собирать, заводить и чистить».

В случае если «часы окажутся не ходовыми», мастер обязывался оставить их себе, не только не требуя никакой оплаты, но и вернуть выданные ему в задаток деньги. За устройство данных часов Савостину полагалось получить 1200 рублей. Стороны условились, что работа начнется безотлагательно и будет проводиться безостановочно. При заключении контракта мастер получил задаток 200 рублей и дал при получении денег расписку. Остальные деньги должны были выдаваться ему уже по приезде в Поречье «... на разные потребности в материалах безостановочно», причем не больше вышеупомянутой суммы и по окончании работы.

С приездом Савостина в Поречье, для сборки часового механизма и монтажа часов на колокольне, заказчики обязали его нанять для себя

покою и содержать себя полностью за свой счет. Однако бурмистр представлял мастеру «для кузнечного мастерства» пустой амбар. После установки на колокольне исправных часов, их запуска, мастер должен был прожить в Поречье 2 месяца. Стороны обязались «сей контракт содержать во всей силе нерушимо». Примечательно, что часовым мастером Савостин был неграмотным – за него, по его просьбе, контракт подписал канцелярист ростовского земского суда Леонтий Иванович Дебольский. В маклерскую книгу данный контракт был записан маклером Алексеем Приваловым. Следует также отметить расхождение воспоминаний А.Я. Артынова и рассматриваемого нотариального документа в отчестве мастера: по контракту Савостин не Иванович, а Васильевич. Кроме того, в контракте он назван мещанином города Алексина.

Часовой механизм нуждался в постоянном присмотре и заводе. Поэтому в первой половине XIX в. в вотчинной администрации появилась оплачиваемая должность – заводчик часов. Из общественных сумм он получал жалование 35 рублей серебром в год. К примеру, огородник в отходе, зарабатывал по найму в среднем 60 рублей серебром в год.

По воспоминаниям старожилов в начале XX в. часовый механизм обслуживали кузница и слесарная мастерская П.Г. Игнатова-Рубцова. Куранты отбивали часы, четверти и минуты, играли две мелодии, что во многом совпадает с описанием их тихвинского прототипа у Артынова. В архивных документах упомянутая слесарная мастерская в Поречье старожилы приписывают следующие слова: «Вот умру я – не будет часов на поречской колокольне». Пророчество сбылось – после его смерти часы сгорели в результате пожара, который начался в прилегающем к колокольне квартале. По воспоминаниям пожар случился в 1921 г., в мае: когда уже «по свежей траве бегали босиком». Однако в акте обследования церковного имущества от 27 сентября 1925 г. значится, что пожар колокольни произошел в 1920 г. Здесь перечислены колокола, часов уже нет. При последнем ремонте колокольни при действовавших храмах в 1927 г. часы не были восстановлены.

Таким образом, часы, куранты существовали на колокольнях села Поречья-Рыбного более чем 200-летний период, что позволяет говорить о традиции их устройства в крупнейшем после Ростова приозерном селении Ростовского уезда. Воспоминания А.Я. Артынова в целом подтвердились архивным, нотариально составленным документом, отчасти устными источниками XX в. Определены хронологические рамки существования курантов на колокольне церкви Никиты мученика.

На фото: Фрагмент открытки издания Д.А. Иванова. 1914 г. Окрестности Ростова Великого. Село Поречье. Собрание ГМЗРК.

Договор между Ф.Л. Кекиным и А.И. Кекиной

• Константин Степанов

При работе с документами городского и уездного отдела местного хозяйства Ростовского уездного исполкома удалось обнаружить интересный документ – договор между Ф.Л. Кекиным и А.И. Кекиной о покупке дома, выписанный из крепостной книги № 2 Ярославского нотариального архива по г. Ростову. К 1918 г. дом находился в собственности их дочери Е.Ф. Ушаковой, в девичестве Кекиной, которая должна была платить

государственную пошлину за постройки и землю, поэтому 14 мая 1918 г. ростовский нотариус Д.Г. Милославов сделал для нее нотариальную копию этого договора для представления в городскую исполком. Данный источник представляет самостоятельный интерес и поэтому он ниже публикуется полностью.

Договор сообщает об известных в округе фамилиях, а также о постройках и земле, прилегающей к дому Кекиных в 33 квартале г. Ростова.

1874 г., сентября 27. – Договор между Ф.Л. Кекиным и А.И. Кекиной о покупке дома в г. Ростове на Московской улице.

Тысяча восемьсот семьдесят четвертого года сентября двадцать седьмого дня, явились к Аполинарию Платоновичу Крылову, ярославскому нотариусу, в конторе его, находящейся в 1-й части г. Ярославля на Власьевской улице в д. под № 17, лично ему известные и к совершению актов законную правоспособность имеющие, почетный гражданин с.-петербургский 1-й гильдии купец Федор Леонтьевич Кекин и почетная гражданка Александра Ивановна Кекина, живущие в г. Ростове Ярославской губернии в сопровождении лично же известных ему свидетелей губернских секретарей Алексея Николаевича Лебедева и Семена Александровича Новоселова и почетного гражданина Ивана Васильевича Филиповского, живущих в г. Ярославле с объявлением, что они, Федор и Александра Кекины, заключают между собой договор о продаже недвижимого имущества на следующих условиях: Тысяча восемьсот семьдесят четвертого года сентября двадцать седьмого дня, почетный гражданин Федор Леонтьевич Кекин с согласия Ярославско-Костромского Земельного Банка, продал я почетной гражданке Александре Ивановне Кекиной, собственно мне принадлежащий каменный двухэтажный дом с строением и землею и со всею без остатка находящейся в оном движимостью, в чем бы она не заключалась, – состоящий в Ярославской губ. в г. Ростове, в 33 квартале по Московской улице. При коем земле по улице тридцать одна сажень восемь вершков, со сторон: левой до уступа тридцать семь сажень, два арш. четыре вершка, в уступе две сажени, один арш. и шесть вершков, потом до заднего конца пятнадцать сажень, один арш., четырнадцать вершков, правой до уступа: тридцать пять сажень, шесть верш. в уступе восемь саж. один арш., четыре вершка, и до заднего конца семнадцать сажень и два аршина, всего же квадратных три тысячи триста двадцать семь сажень, дошедшей ко мне от матери моей потомственной почетной гражданки Любови Ивановны Кекиной, по отдельному акту, утвержденному 25 февраля 1870 г., старшим нотариусом Ярославского окружного суда, с переводом долга на покупщицу Александру Кекину, лежащего на имени этом Ярос-

лавско-Костромского Земельного Банку в количестве девятнадцати тысяч рублей. А взяла я, Федор Кекин, с покупщицы Александры Кекиной денег серебром двадцать пять тысяч рублей, считая в этой сумме и долг Ярославско-Костромскому Земельному Банку, который покупщица принимает на себя, с тем, чтобы ей же, покупщице, платить все расходы при совершении сего акта, а мне, продавцу, очищать ее от всяких в оное имение вступщиков и от убытков, могущих быть от сего как следует по закону; к совершению сего акта представлен раздельный акт; ст. 34 врем. нотар. Правил объявлена. –

Акт сей совершен в Ярославле нотариусом Аполинарием Крыловым, утверждён двадцать восьмого сентября тысяча восемьсот семьдесят четвертого года, старшим нотариусом Ярославского окружного суда, при чем взыскано: за акт 3 руб., крепостных 1000 руб., за выписи и приложение печати 30 коп. и на припечатание публикации 6 руб. 6 коп. и определено главную выписку выдать на гербовом листе в 65 руб. – Выписи это слово в слово сходная с актом, внесенным в крепостную книгу, записана в реестр 1874 года за № 1031 и выдана покупщице Кекиной тысяча восемьсот семьдесят четвертого года сентября двадцать восьмого дня. Старший нотариус – подписал. Приложена печать Ярославского нотариального архива.

Я, нижеподписавшийся, удостоверяю верность этой копии с подлинником ее, представленным мне, Димитрию Георгиевичу Милославу, ростовскому нотариусу, в конторе моей, в Кремле, в доме Селивановых гражданкою Елизаветой Федоровною Ушаковой, проживающей в г. Ростове, Ярославской губ.

При сличении мною этой копии с подлинником, в последнем подчисток, приписок, зачеркнутых слов и никаких особенностей не было, в сей же копии написано: «же» то верно. Подлинник оплачен надлежащим гербовым сбором. 1918 года, мая 14/1 дня. По реестру № 701. Милославов. [Подпись нотариуса заверена печатью, где по кругу написано: «ПЕЧ. НОТАРИУСА Д.Г. МИЛОСЛАВОВА В Г. РОСТОВЕ ЯРОС. Г.» и двумя красными гербовыми марками с царской короной по 1 руб. каждая – К.С.]

Торговые пути ростовцев

• Елена Крестьянинова

Уже не раз говорилось, что жители Ростова, торгующие купцы и мещане, активно осваивали российские просторы. «Книга учета паспортов» (1847 г.), хранящаяся в РФ ГАЯО, дает весьма показательные в этом отношении сведения и цифры.

Оказывается, самое большое количество паспортов в указанном году было выдано в Санкт-Петербург – 86. На втором месте по «посещаемости» стоит Москва – 39 паспортов, далее Уралск, в который собиралось выехать 17 чел., Нижний Новгород – 11 чел., Ярославль и Шуя – по 7 чел., Томск – 4 чел., Баку, Казань, Кронштадт, Новоузенск Саратовской губ., Оренбург – по 3 чел., Киев – 2 чел.

Среди городов, в которые направляли свои стопы ростовцы, названы Александров, Боровск, Воронеж, Дмитров, Елабуга, Камышин, Киренск Иркутской губ., Ковны, Ковров, Кострома, Красноярск, Малоархангельск, Молога, Муром, Наровчат Пензенской губ., Пошехонье, Ромны, Рыбинск, Сергиев Посад, Спасск Тамбовской губ., Сумы, Углич, Фридрихштадт – по 1 человеку.

Всего из Ростова собиралось выехать 190 человек. Из них самая дальняя поездка предстояла А.А. Кайдалову – в Киренск Иркутской губ.

Ростовское гостеприимство

• Александра Юрвич

Среди многочисленных работ по краеведению известных ростовских и ярославских авторов выделяются работы Леонида Николаевича Трефолева. Родился он 9 сентября 1839 года в городе Любиме Ярославской губернии, его отец, Николай Дмитриевич, служил в уездном суде и был известным библиофилом. Первые стихотворные попытки Трефолев делает рано - в 12 лет. Окончив гимназию, Леонид Николаевич поступает в Демидовский лицей, но учится там недолго. Из-за материального положения вынужден поступить на службу в Ярославское губернское правление. Становится помощником редактора «Ярославских губернских ведомостей», в дальнейшем в них он печатает свои стихи, которые пользовались большой популярностью. Вся жизнь и деятельность его протекла в Ярославской губернии, и его многочисленные работы были посвящены родному краю, его прошлому, освещали многие исторические события и факты.

Работы Леонида Николаевича опубликованы в известных исторических журналах: «Древняя и новая Россия», «Исторический вестник», «Русский архив». В «Ярославских губернских ведомостях» и «Ярославских епархиальных ведомостях», где напечатаны его статьи «Ростовское училище в старину», «Материалы для биографии А.П. Мельгунова», «Отголоски 14 декабря 1825 года в Ярославле» и др. Большое количество зарисовок и заметок по вопросам народного просвещения, сельского хозяйства, городского быта систематически печатались и в других местных периодических изданиях. Отдельными изданиями выходят его исторические очерки и заметки «Материалы для истории города Углича», «Ростовские кладбищенские», «Ярославль при императрице Елизавете Петровне». В них воспроизведены правдивые картины прошлого, нарисованы реалистические образы людей, живших в XVIII—XIX вв. А его песни - «Когда я на почте служил ямщиком», «Дубинушка», «Знаю, ворон, твой обычай» и др. - стали народными.

Скончался Трефолев Л.Н. в Ярославле 28 ноября 1905 г., на 67 году жизни.

В 1889 году была издана историческая заметка Трефолева Л.Н. «Путешествие императрицы Марии Федоровны в Ростов Великий в 1818 году».

В интересной форме, содержательно, автор описывает пребывание Императрицы и ее свиты в древнем Ростове, описывает подготовку и встречу местных жителей с царствующей особой. Своё путешествие Императрица совершила по торжественному случаю - рождению первого внука, Великого князя Александра Никола-

евича, будущего царя-освободителя. Ради внука Императрица Мария Федоровна решила поклониться святыням Троице-Сергиевой Лавры, Переславля-Залесского и Ростова Великого.

Настоящая историческая заметка касается только пребывания Императрицы Марии Федоровны в пределах Ярославской губернии, которую тогда управлял действительный статский советник Гавриил Герасимович ПОЛИТКОВСКИЙ.

«Уведомления о путешествии Государыни застали его, можно сказать, врасплох и пришли с разных сторон. Прежде всех, в Ярославль прискакал из Москвы ростовский градский глава Кекин и лично сообщил Губернатору, что «он слышал за достоверное о соизволении Императрицы Марии Федоровны, на сих днях, быть в Ростове».

Губернатор, как видно из его распоряжений, сильно обеспокоился: тогда дороги в Ростовском уезде «слишком изобиловали грязью», да и в самом Ростове улицы были «весьма нечистоплотны». Разумеется, губернатор отправил, с эстафетами, настоятельные приказания ростовским — земскому исправнику и полицеймейстеру, первому о том, чтобы он поспешил «употребить все старания к приведению дорог и мостов в возможно — лучшее состояние», а второму было велено: «если не все, то, по крайней мере, главные улицы, ведущие к Яковлевскому монастырю, а также к собору, приведите, сколь возможно, в лучший вид».

Политковский боялся ответственности, он был также «душевно измучен» вопросом: «найдется ли у ростовского именитого купечества настолько средств, «чтобы угостить Мать обожаемого Отца Отечества, Императора Александра Павловича, с Ея свитою, вполне приличным «кушаньем»?

Найдется ли для сего вся необходимая посуда: тарелки, стаканы, ножи, вилки и иное прочее? Вопрос этот вызван был тем вполне основательным соображением, что свита Ея Величества была довольно многочисленна.

Политковский получает предписание: «Поставляю за нужное предупредить Ваше Превосходительство, дабы изволили приказать, если только возможно, приготовить для свиты к столу побольше фаянса, графинов, стаканов и столового белья, а равномерно припасов мясных и других разного сорта и хорошей рыбы и хлеба белого и ситного».

Посуда фарфоровая для стола самой Императрицы, какая следует, отправится отсюда (т.е. из Москвы). Если, буде можно достать, то нужно бы заготовить кислые щи и полпиво».

Губернатор сам отправился в Ростов, для изготовления необходи-

мых предметов к столу Высочайшей свиты. Когда все было приведено в должный порядок, Политковский, Политковский, он осматрив лошадей, приготовленных на станциях, обозрел также дом, самый лучший в городе, и нашел, что «сей временный дворец, сколько местные обстоятельства дозволили, приличным образом «прибран». Затем Губернатор выехал для встречи Государыни Императрицы на первую станцию, отстоявшую в 30-ти верстах от Ростова.

Колокольный по всем церквам звон и радостное «ура» наполняли воздух и возвестили въезд Ея Величества в город. Государыня Императрица остановилась в пригословленном доме купца Федора Мясникова и в оном ночлег имела.

На другой день была Императрица в Яковлевском монастыре, слушала в соборной церкви Божественную литургию, молебен и прикладывалась к местным образам и мощам здесь почивающих Угодников Божиих Иакова и Димитрия ростовских Чудотворцев. После отправилась в городской собор; тут встречена была Преосвященным Антонием, архиепископом Ярославским и Ростовским, который по приветствии краткою речью, предшествовал Ея Величеству в соборный храм, в коем также прикладывалась к образам и мощам Святителей: Леонтия, Исаия, и Игнатия».

Из собора Ея Императорское Величество посетила Рождественский девичий монастырь, после изволила отбыть в ближайшие загородные монастыри — Богоявленский и Петровский, где почивают мощи: в первом — преподобного Авраамия, а в последнем — Петра Царевича.

По возвращении в дом пребывания (купца Мясникова) Государыня Императрица изволила принимать обею пола дворянство, также чиновников, ярославское и ростовское градские общества и всех жаловала к руке.

В полдень Ея Величество имела обеденный стол, к коему, кроме свиты, приглашены были архиепископ Антоний, архимандрит Московского Симонова монастыря Герасим, гражданский губернатор, губернский предводитель дворянства Филатьев, действительный статский советник Майков, командующий 8-ю артиллерийскою бригадою подполковник Нестеровский и полковник Меллин.

Императрица пожаловала хозяйну дома бриллиантовый перстень, а хозяйке — серьги и щедро одарила некоторых чиновников, в исходе 2-го часа по полудни отправиться изволила в обратный путь, в здравии, сопровождаемая теплыми молитвами Святых Угодников и искренними желаниями осчастливленных присутствием Ея Величества жителей Ростова...
Императрице Марии Федоровне

Истории из жизни дворян Ростовского уезда

Ростовская «Салтычиха»

Продолжение. Начало в РВ № 159

• Зинаида Краузе

«Среди полей и пажитей цветущих, богатых сел картиной окаймлен, отрада душ окрест тебя живучих...». Эти вдохновенные строки о Ростове написал купец И.И. Хранилов, известный ростовский благотворитель, поэт и краевед в те далекие времена, когда ростовцы трепетно относились к своему городу, и им не приходило в голову лепить на свежеекрашенные стены домов и на заборы свои обывателя и пристривать мешки с мусором между решетками окон своих соседей. Ах, как уютен и мил, наверное, был тогда добрый старый город Ростов!

Так вот, в те далекие времена дворянка Екатерина Павловна Леонтьева, строптивая хозяйка существующих и ныне деревень Копорье, Никитино, Осокино и села Горки, получила предписание о немедленном выселении ее персоны из имения и передачи его под опекуновское управление за «излишнее притеснение крестьян». Кстати, опекуном назначен был брат супруга Екатерины Павловны, титулярный советник Иван Федорович Леонтьев.

С таким решением капитанша смирилась далеко не сразу. Сначала она сказывалась нездоровой, потом ей мешала плохая погода. Короче, Екатерина Павловна долгое время оттягивала свой отъезд в Москву. Однако уехать все-таки пришлось. Но успокаивать помещицу Леонтьеву не собиралась. Тут же одно за другим полетели письма в имение к управляющему и в Ростов

во время посещения древнего Ростова все понравилось: и народный восторг, и заботливость администрации, и местные святыни.

Даже смиренный архитектор-самоучка, ростовский мещанин Паньков удостоился Ея внимания «за труды по части архитектуры», получив от Императрицы золотую табакерку.

От щедрот Императрицы Ростовскому Богоявленскому Авраамиеву монастырю доставлено было через Губернатора 100 р., братии монастыря Петра-Царевича — тоже 100 р.

Ростовские полицеймейстер и земский исправник получили каждый золотые часы «в знак благоволения за труды и порядок, сохранный в Ростове и в его уезде во время присутствия Ея Величества».

Из Ростова Государыня Императрица Мария Федоровна доехала благополучно до границы Переяславского уезда, причем Высочайший поезд сопровождался ростовским земским исправником Савиным, который имел счастье быть представленным Императрице и получил «изустно, за порядок одобрение». Особенно понравилась Государыне быстрая и вместе с тем спокойная езда.

Автор упоминает и слышанный в детстве анекдот, относящийся к описываемому путешествию. В числе кушаний, которые особенно понравились Императрице, была уха из ершей. Государыня кушала их с величайшим аппетитом и расхваливала Ростовское озеро, производящее такую вкусную рыбу. Кто-то из свиты заметил, что не даром де существует сказка о знаменитом воре-плуте Ерше Ершовиче, сыне Щетинникове, который озорничал в Ростовском озере.

«Вот уж что не правда, так не правда! - Лукаво-простодушно возразил ярославский городской глава Желудков, — такие крупные ерши-воры из Ростовского озера давным-давно ушли в Волгу-матушку, да там и озорничают... Оттуда мы и предоставили их на поедание к столу Матушки-Государыни. Кушайте на здоровье!».

Государыня изволила улыбнуться, а свита расхохоталась, усмотрев здесь «под ершами» намек на некоторых особ из служебного мира...

Главные лица свиты Императрицы остались также вполне довольны радушным угощением их в Ростове. Ober-гофмаршал Пашков выражал свою благодарность Г.Г. Политковскому: «Отцы и деды наши Россияне узаконили: спасибо тому, кто кормит, да тому, кто хлеб и соль помнит! Я, следуя сему не льстиво, прошу Ваше Превосходительство принять истинную мою благодарность за приятнейшее угощение, в городе Ростове оказанное...».

к уездному предводителю дворянства - Протасьеву Александру Петровичу. Письма Екатерины Павловны собраны были в отдельную папку, озаглавленную как «Дело о доставлении жизненных потребностей из вотчины в Москву для помещицы Леонтьевой». Их в папке шестнадцать! А «потребности» у гвардии капитанши были весьма солидные. Например, в одном из писем к уездному предводителю она жалуется на управляющего, который не выполняет своих обязанностей и, видимо, желает подвергнуть ее «голодной смерти, которой в нашей благословенной России не существует!» и далее настоятельно требует немедленно доставить ей эти самые «жизненные потребности». Тут же прикладывается «Регистр требуемых припасов». А именно: «муки-4четвертей (1100 кг), масла коровьего-5фунтов(80 кг.), яиц — 200 штук, 50 курей, одну четверть овсяной муки» и т.д.

От письма к письму «жизненные потребности» неугомонной дворянки растут. И теперь уже опекун именина с явным раздражением сообщает г. Протасьеву, что он «находит не стоящим... обременять крестьян лишнею подвздою на двести верст» для того, чтобы доставить Леонтьевой «то картину, шитую шерстью, то какой-то маленький столик...». Вот такая веселая перепiska велась между ростовскими дворянами в середине 19 века.

Документов, имеющих отношение к портрету ростовского дворянства, очень мало, и поэтому даже незамысловатая история из жизни ростовской помещицы Екатерины Леонтьевой является ценным штрихом к нему.

История ростовских домов

Уездные присутственные места

• Александр Мельник

На Советской площади Ростова под номером 22 ныне существует совершенно запущенное кирпичное двухэтажное здание, о первоначальном назначении которого вряд ли кто-нибудь помнит (ил. 1). Между тем когда-то оно играло весьма важную роль в жизни города. Первое свидетельство об интересующем нас памятнике содержится в плане Ростова 1852 г. (ил. 2) На этом чертеже мы видим обозначение данного здания в виде окрашенного красной краской (так маркированы каменные сооружения) прямоугольника с небольшим выступом в средней части южного дворового фасада. Расположенная рядом надпись гласит «Уездные присутств[енные] места». Важно, что они являлись элементом целого архитектурного комплекса. В частности, согласно упомянутому плану 1852 г., к западу, югу и востоку от присутственных мест располагался двор, огражденный каменной оградой, у ее западной, южной и восточной стен стояли каменные здания, обозначенные словом «Острог» (рис. 1). Иначе говоря, это была тюрьма.

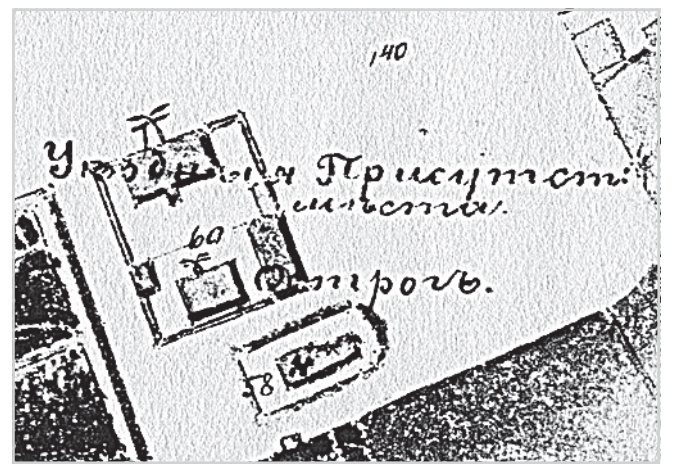
Известно, что здания уездных присутственных мест строились в XIX в. во многих городах России. Они предназначались для размещения различных государственных административных учреждений, и в том числе — полиции. Поэтому часто при уездных присутственных местах существовали тюрьмы. В то время были разработаны типовые проекты комплексов зданий под названием «уездные присутственные места», выдержанные в стиле классицизма. Надо думать, по одному из таких проектов, адаптированному к условиям Ростова, и был возведен комплекс рассматриваемых присутственных мест и острога.

Документы не донесли до нас прямых сведений, когда это произошло. В нашем распоряжении имеются лишь косвенные свидетельства. Они заключаются в следующем. На плане Ростова 1843 г. данное сооружение еще не обозначено, а на плане 1852 г., как мы помним, оно уже зафиксировано. Следовательно, уездные присутственные места построены между 1843 и 1852 годами, то есть в середине XIX в.

В 1909 — 1910 гг. в данном сооружении располагалось «Городское полицейское управление». Между прочим, одноэтажное здание тюрьмы, стоящее во дворе бывших уездных присутственных мест сохранилось. И что любопытно, некоторые люди, которые в нем теперь живут, знают о его первоначальном тюремном назначении.

Фото 2012 г.

Фрагмент плана Ростова 1852 г.

Фото 1990 г.